

горного духа Рюбецеля строгий прав. Кто нарочито произносит его прозвище, того он безжалостно наказывает. Но если человек взывает о помощи, тому он прощает неважливое имя.

Краузе был прилежным, добросовестным крестьянином. Не менее трудолюбивой была и его жена Лиза. Но счастье и беда всегда об руку ходят. Почувствовали это и на собственной шкуре бедняги Краузе. Два года подряд их посева выбивало градом. Репа и картофель замёрзали в земле. Козы погибли, за ними — куры, первым петух. Даже яблоки и груши и те до срока попадали с веток. Вскоре Краузе со своими тремя детьми проели последний грош. Пришла беда — отворяй ворота! Как на грех, младший сын Тони простудился, да так сильно, что доктор уже беспокоился за его жизнь. Надо добыть для мальчика лекарство в ближайшем городке. А для этого понадобится десять-двенадцать талеров.

Краузе посмотрел на Лизу, Лиза — на Краузе. Где взять десять-двенадцать талеров? Кошелек — пуста, последний грош проеден. А богатый родственник — торговец, живущий неподалёку, в Силезии?

БЕЗ ПРОЦЕНТОВ

Отфрид ПРОЙСЛЕР

На следующий день, ещё не выпала роса, Краузе проснулся, чтобы идти к богатому родственнику, молить его о помощи и одолжить у него десять-двенадцать талеров на лекарство.

Увы, мольбы и просьбы Краузе не разжалобили богача.

— Сочувствую, — проговорил он, едва разжав губы. — Но на мои деньги, Краузе, не рассчитывай!

Не солоно хлебавши, поплёлся бедолага домой. Неподалеку от самой высокой вершины он остановился передохнуть. С тоской огляделся по сторонам. Небо было голубым и безоблачным. Ветер шевелил траву на косягах. Да, всё вокруг было бы прекрасным, если бы не болезнь маленького Тони! Помочь ему теперь мог только Бог. Либо Рюбецаль...

“Сейчас или никогда!” — подумал Краузе и, обратясь к вершине, во всю мочь прокричал: — Рюбецаль! Рюбецаль! Если ты меня слышишь, помоги!

Ответом ему была тишина. Краузе позвал хозяина гор во второй раз, в третий. Напрасный труд! Ни ветра, ни громового раската. Слышен лишь дальний крик коршуна да карканье горной галки.

“Ну, конечно, — мрачно подумал Краузе, — было бы удивительно...”

Он собрался идти дальше, да вдруг услышал за собою шаги, обернулся и увидел согнутого под тяжестью корова старикашку, маленького, тощего, с лицом как кора на дереве. Должно быть, один из сборщиков трав и целебных корней, каких много по горам бродит.

— Что это ты тут раскричался? — раздражённо спросил старик.

Его взгляд из-под кустистых рыжих бровей, казалось, просверлил Краузе насквозь...

— Я кого спрашиваю?

Не дождавшись ответа, старик продолжал:

— Я знаю тебя, Краузе. Знаю и то, что тебе нужны десять-двенадцать талеров, и для чего они необходимы, мне тоже известно. Попал не в бровь, а в глаз? Что ж, одолжу тебе сотню. На три года и без процентов.

Краузе показалось, что он ослышался. От неожиданности он не мог вымолвить ни слова.

— Не вытаращивайся на меня, как бык на новые ворота!

Старик снял со спины тяжёлый короб и поставил его на пригорок.

— Пойди, отсчитай себе нужную сумму, а я пока раскурю трубочку.

В коробе Краузе думал увидеть целебные травы и корешки. Но там были золотые и серебряные монеты, жемчуга и драгоценные камни. Сверху лежал кожаный кошель. Краузе мог бы потихоньку прихватить себе что-нибудь из бесчисленных сокровищ. Старик был занят своей трубочкой и в его сторону не смотрел. Прошло много времени, прежде чем он обернулся к крестьянину.

— Ну, что, готово дело?

— Да, — кивнул Краузе.

Он взял из короба точно сто талеров и хотел, чтобы владелец их пересчитал.

— Как будто я не знаю, что ты взял ровно сотню! — фыркнул старик. — Что ещё?

— Необходима расписка, иначе я не могу взять в долг такую огромную сумму.

— Ладно, — согласился старик и выудил откуда-то из воздуха иписанный листок бумаги.

— Посмотри, всё ли правильно здесь написано. Сотня талеров без процентов одалживается на три года здесь, у самой высокой вершины Исполинских гор. И он выдернул из шляпы самое большое перо. С кончика его свисала чернильная капля. Краузе написал в конце расписки крупными чёткими буквами своё имя. Старик помахал листочком в воздухе, чтобы чернила высохли, сложил расписку и сунул её себе в карман.

— Что ж, Краузе, желаю счастья! Пусть наконец тебе и твоей жене повезёт! Ах, да, вот ещё...

Он порывлся в карманах и вытащил корешок странного вида.

— Положи его Тони под подушку сразу, как придёшь домой. Ему это поможет.

Только Краузе собрался поблагодарить старика, как тот поспешно взвалил себе на спину короб, коротко кивнул и отправился на вершину. Удаляясь, он становился всё больше и больше, рос и рос, пока вовсе не исчез из вида.

Может, Краузе всё это приснилось? Он бы поклялся в этом, если бы у него не было в руках денег и корня необыкновенной формы.

Облегчённо вздохнув, Краузе понёсся домой, не обращая внимания на каменные уступы и ручьи, не боясь споткнуться и полететь с высоты. Кажется, счастье наконец-то ему улыбнулось!

Короче говоря, таинственный корень сделал своё дело. Малыша Тони, ещё вчера горевшего от лихорадки, утром будто подменили. Жар исчез, глаза повеселели. И это только начало! Всё теперь ладилось у Краузе. Счастливая звезда вновь воссияла над их домом.

Вскоре по двору разгуливали молдые козы, кудахтали куры, прыгали и веселились дети. Взрослые трудились не покладая рук, с благодарностью вспоминая своего благодетеля. С той самой встречи на вершине горы Краузе знал, чей он должник. Догадывалась о том и Лиза.

Три года — недолгий срок. Краузе своевременно собрали сотню талеров, даже немножко больше. В назначенный день они впятером, обрядившись в праздничную одежду, отправились в горы, к известной полянке неподалёку от вершины. Старший Краузе шёл впереди с кошелем в руках, где лежала сотня талеров.

Ветер шевелил траву. Небо было голубым и безоблачным. Мир и на самом деле был прекрасен.

— Господин и повелитель! — закричал во всё горло Краузе. — Я здесь, и со мною сотня талеров, которые я тебе должен.

Ни звука в ответ, ни шелеста, ни шороха. Краузе позвал хозяина гор во второй раз, в третий. Тишина. Вокруг ни души, ни лесников, ни собирателей целебных трав. Лишь вдали слышен крик птицы-разбойницы да карканье горной галки. Ещё раз позвал Краузе властелина гор, а потом, рассердившись, крикнул:

— Рюбецаль, Рюбецаль, возьми же свои деньги!

И вновь тишина, только от ветра шелохнулись чуть-чуть листья на деревьях, да вдруг пролетело что-то белое. Листок бумаги! Малыш Тони принял его за огромную бабочку и понёсся за ним. Гонялся, гонялся, наконец поймал.

Когда мальчик принёс листок отцу, тот увидел, что это расписка. Он собственноручно подписал её три года назад. Только теперь написанное было перечёркнуто, а в самом низу добавилось два слова: "За благодарность" и стояла огромная буква "Р", украшенная затейливыми завитушками, как какая-нибудь королевская подпись.

Краузе не знал, что и сказать, Лиза тоже.

— Подойдите ко мне, дети, — позвала она малышей. — Давайте споём владыке гор, отблагодарим его за доброту.

И они от всего сердца спели свою самую любимую песню "С вершины снежных гор течёт, течёт ручей".

Они пели чистыми, звонкими голосами, а Краузе подпевал им басом. Ветер уносил старинную песню в горы, в голубую даль. Там высоко на вершине был тот, кто услышал их пение и понял, что они очень и очень ему благодарны.

Перевела с немецкого
Эльвира ИВАНОВА

Рис. М. БЫЧКОВА

